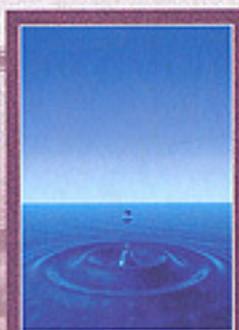

Фредерик
КОПЛСТОН

ИСТОРИЯ
ФИЛОСОФИИ
XX ВЕК

ЦЕНТРОДИТРАФ

Фредерик Коплстон

История философии. XX век

«Центрполиграф»

Коплстон Ф.

История философии. XX век / Ф. Коплстон —
«Центрполиграф»,

В книге рассмотрены доминирующие интеллектуальные течения британской и континентальной философии первой половины XX века. Известный английский ученый, доктор философии, профессор, автор многочисленных книг и монографий знакомит читателей с лингвистическим анализом – господствующей теорией британских аналитиков Д. Мура, А. Айера, Б. Рассела, с логическим позитивизмом и некоторыми проблемами метафизики. Исследует проблему существования Бога и связанный с ней вопрос о значении человеческого существования в рассмотрении персоналистов и экзистенциалистов М. Хайдеггера, Г. Марселя, К. Ясперса и других теоретиков этого философского течения. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
1	8
2	10
3	12
4	15
5	18
6	19
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Фредерик Коплстон

История философии. XX век

Предисловие

Статьи этой книги разделяются на две основные группы. Первая группа состоит из набросков по доминирующему интеллектуальному течению в современной британской философии и проблем, которые возникли передо мной в процессе размышления по этому поводу, тогда как эссе, входящие во вторую группу, посвящены континентальным персоналистским и экзистенциалистским философиям.

Первая группа статей открывается очерком по современной британской философии. Работа была написана для того, чтобы предоставить информацию читателям, не знающим о предмете ничего или знающим очень мало, и ее присутствие здесь может, следовательно, показаться излишним. Однако я полагаю, что она может принести пользу любому читателю, являясь прекрасным введением. Статья такого рода имеет все же тот недостаток, что короткие в силу объема работы ссылки на современных философов могут легко вызвать непонимание и, во всяком случае, возникновение крайне ограниченного представления о рассматриваемых философах. Последний недостаток не может быть в действительности исправлен иначе, как превращением статьи в книгу; но в приложении к эссе я указал некоторые моменты, которые, как мне хотелось бы надеяться, помогут исправить ошибочные впечатления от некоторых фрагментов текста.

В последнем параграфе первой главы я бегло коснулся влияния, которое испытывает философия в связи с ростом конкретных наук и развитием нашей технической цивилизации. Поскольку эта тема не рассматривается подробно в первой главе, я счел более правильным посвятить ей вторую главу, эссе, озаглавленное «Некоторые размышления по поводу логического позитивизма». Причина, по которой я решаюсь на этот шаг, заключается в том, что данное эссе кажется мне выражающим обоснованную и полезную точку зрения. При этом хочу заметить, что оно несколько устарело, поскольку понимает под неопозитивизмом нечто косное и неподвижное, и потому некоторые из критических замечаний едва ли могут быть отнесены к британской философии в ее современном состоянии. Например, даже не все из тех, кто по-прежнему может быть назван «позитивистами» в определенном смысле этого слова, придерживаются столь жесткой позиции в отношении этических суждений, как то может показаться из данной статьи. Тем не менее, если рассматривать ее с точки зрения того, чем ей полагается быть, то есть как серию размышлений над определенным периодом философской мысли, она имеет, я думаю, определенную ценность. Далее, даже если логический позитивизм строгого типа часто считается делом прошлого, позитивистский способ мышления является, по моему мнению, широко распространенным. И вполне возможно, что некоторые из философов, которые возмущенно отрицают то, что они предполагают принцип верификации в качестве критерия значения, тем не менее молчаливо и упорно его используют.

Ввиду важности, которая была придана в современной британской философии проблеме значения и принципу верификации. Однако я не удовлетворен этой работой в ее настоящем виде и поэтому дополнил ее в следующей заметке некоторыми комментариями, которые, я думаю, следовало сделать.

Критика логического позитивизма есть, очевидно, негативная процедура, которая нуждается в сопровождении чего-то более позитивного. То есть, если некто намеревается критиковать позитивизм с точки зрения метафизика, ему необходимо предпринять усилия, чтобы показать, что метафизика есть возможная и легитимная интеллектуальная деятельность. В

состав «Некоторых размышлений о логическом позитивизме» я включил статью, озаглавленную «Возможность метафизики», однако, поскольку такое включение привело бы здесь к значительному повтору материала, я решил не перепечатывать ее. Вместо этого я включил статью «Функция метафизики». Эта последняя статья посвящена частному вопросу, но вместе с предшествующей статьей о функции метафизики она ставит вопрос о природе философского знания. В каком смысле, если таковой вообще возможен, может философ знать то, что не знает не-философ? Этот вопрос подробно рассмотрен в моей статье «Философское знание».

В первой и более подробно во второй рассмотрен вопрос о значении предикатов, приписываемых Богу. Я также включил в виде шестой главы статью, специально посвященную этому вопросу.

Теперь я перехожу ко второй группе эссе. Прежде всего, я включил статью «Человеческая личность в современной философии». Включение этой статьи ведет к некоторому пересечению с тем, что будет сказано об экзистенциализме ниже. Однако то обстоятельство, что она содержит обзор взглядов М. Мунье, профессора Лавала и профессора Ле Сenna (первые двое скончались, с тех пор как она была написана), вынуждают меня опубликовать ее с крайней неохотой.

Четыре главы об экзистенциализме еще не публиковались. Они являются изложением курса лекций, прочитанного в Королевском институте философии.

Ф. Коплстон

Глава 1

Современная британская философия

В соответствии со взглядами многих английских философов, философия состоит главным образом, если не целиком, из «лингвистического анализа». Главная цель этой статьи – объяснение того, что подразумевается под подобным пониманием философии. Далее я намереваюсь сделать несколько замечаний относительно происхождения и развития этого представления о функции и сфере философии.

1

Те, кто отождествляет философию с лингвистическим анализом, утверждают, что это новое понимание философии, однако не подразумевают под этим, что лингвистический анализ не применялся ранее. Напротив, они полагают, что большая часть философии прошлого принимала форму лингвистического анализа, даже если философы, которые им занимались, не всегда ясно представляли себе, чем они занимаются. Несколько примеров смогут помочь разъяснить это утверждение.

Утверждают, что платоновская теория реальных сущностей выросла из размышлений над пропозициями обыденного языка. Люди делают сравнительные оценочные суждения: они могут сказать, например, что Сократ был лучше, чем Алкивиад. Люди также используют общие понятия типа «человек» или «животное». Более того, обыкновенный человек каким-то образом знает, что подразумевается, когда он говорит, что Сократ лучше, чем Алкивиад, или что характер святого Франциска был более благороден, чем характер Нерона. И поскольку обычный человек корректно использует общие понятия, он до некоторой степени должен понимать, что подразумевается под ними. Однако он не рассуждает отвлеченным образом о точном смысле оценочных суждений или об истинной природе и цели использования общих понятий. Его знание о значении соответствующих пропозиций имеет практический, а не рассудочный или абстрактный характер: оно является тем, что можно назвать первопорядковым знанием. Философ, однако, размышляет об этих обнаруживаемых в обыденном языке пропозициях и предпринимает строгий и абстрактный анализ их значения. Он не изобретает для самого себя общих высказываний или понятий; он уже находит их существующими, наличествующими в обыденной речи. Работа, которую он выполняет, – это проясняющий, рассудочный и абстрактный анализ пропозиций; и поэтому его деятельность может быть названа лингвистическим анализом. Платон действительно создал метафизическую теорию, но он создал ее на основе лингвистического анализа. То, чем он занимался, можно назвать проясняющим анализом определенных типов высказываний.

Сходным образом, когда Аристотель занимался исследованием этики, он начинал с разбора моральных суждений, которые привыкли делать люди в том обществе, к которому он принадлежал. Он, несомненно, полагал, что индивидуальные суждения могут быть неясны или односторонни и поэтому нуждаются в прояснении; но он никогда не предполагал, что задачей морального философа является создание новой морали или доказательство того, что не-философам ничего не известно о различии между добром и злом. И когда святой Фома и другие средневековые философы и теологи исследовали природу языка, который мы используем, говоря о Боге, и разработали теорию приписывания свойств по аналогии, им было достаточно хорошо известно, что язык, который они исследовали, уже существует. Святой Фома не был первым, кто открыл, что Бог благ и мудр; но он спросил себя, что означает, когда мы говорим о Боге, что Он благ и мудр. В каком смысле используют эти понятия и что они означают, будучи предцированы Богу? Святой Фома, следовательно, предпринял работу по прояснению языка, который используют христиане применительно к Богу.

Далее будет утверждаться, что берклианская интерпретация положения о существовании материальных предметов, когда мы не воспринимаем их, была примером лингвистического анализа. Беркли не говорил, что это утверждение неистинно: напротив, он спрашивал себя, что оно означает. И по его мнению, утверждение, что мой стол, например, существует в моей комнате, когда я его не воспринимаю, означает и только может означать, что, если мне случится войти в комнату, я буду воспринимать стол. Это было одной из причин того, что Беркли утверждал, что его философия не противоположна здравому смыслу: по его мнению, она противо-

положна только взглядам таких философов, как Локк, которые постулировали непознаваемые сущности, о которых никогда не думает обычный человек.

2

Из вышесказанного очевидно: утверждение, что большая часть философии прошлого была в некотором смысле лингвистическим анализом или прояснением языка, небезосновательно. Следующее утверждение, отнюдь не редко делаемое современными британскими философами, заключается в том, что философия есть только лингвистический анализ и что все философские проблемы есть проблемы языковые. Идея, лежащая в основе такого взгляда, как мне кажется, заключается в том, что философ не открывает или не может открыть новых фактов в реальности. Он может анализировать и прояснять то, что известно практическим и часто неясным образом; но он не может открыть в реальности ничего нового. Открытия такого рода могут быть сделаны благодаря обычному наблюдению или конкретным наукам. Далее я коротко вернусь к этой идее, но прежде хотел бы проиллюстрировать значение утверждения, что философские проблемы есть проблемы языка, взяв два примера философских проблем и проинтерпретировав их в духе тех, кто делает такое утверждение.

Если два человека обсуждают проблему свободы, один из них может приводить в доказательство детерминизма факты или гипотезы из области физиологии и психологии, тогда как другой может оспаривать истинность гипотез или выстраиваемую на их основе интерпретацию. Например, первый может утверждать, что факты, открытые эндокринологами, показывают, что не существует случайных действий, а второй – оспаривать справедливость этого утверждения. Итак, поскольку они обсуждают факты эндокринологии, их дискуссия является чисто научной. Однако можно представить себе момент, когда по всем доступным физиологическим и психологическим данным достигнуто согласие. Когда настает такой момент, речь заходит не о влиянии желез, отстаиваемом детерминистом и отрицаемом сторонником свободы воли, и не о содержании сознания, которое отстаивается сторонником свободы воли и отрицается детерминистом. Вопрос, возникающий перед ними, таков: как, в свете этих фактов, могут быть описаны человеческие действия? Является ли все еще необходимым или возможным проводить различие между разными действиями и описывать некоторые как свободные и другие как несвободные? Можем ли мы в свете этих фактов все еще говорить об «ответственности»? И если да, то каково точное значение этого слова? Проблемы такого рода, как скажут многие аналитики, есть языковые проблемы. Однако это не означает, что они представляют собой только вопрос именования, в том смысле, что они совершенно не важны. Поскольку, если мы решим, например, что человеческое существо не может быть корректно описано как «ответственное» за любые свои действия (полагая, что говорить о человеке, что отвечает за поступок, означает то же самое, что сказать, что он мог избежать его), такое решение имеет важный моральный и законодательный подтекст.

Второй пример касается спора между формалистом и фундаменталистом в вопросе о цветах в живописи. Если формалист отрицает реальные или предполагаемые научные факты, приводимые фундаменталистом, дискуссия имеет научный характер. В действительности, однако, формалист не отрицает никаких научных фактов, он признает их все. О чем же тогда ведется спор? Едва ли это спор о сфере применения обыденного языка. Потому что, если фундаменталист не является совсем уж странным человеком, он не будет стремиться изменить привычку обычного человека говорить, что трава зеленая, но что она кажется золотой или желтой в лучах заходящего солнца. Он не будет также непримирим в тех случаях, когда дама говорит, что платье имеет свой цвет, но при электрическом освещении он меняется. Спор ведется не о сфере применения понятий, используемых в обыденном языке, но о точном значении этих терминов. Когда, например, говорится, что трава является зеленой, каково точное значение слова «является» в этой связи? И это уже языковая проблема.

Уже было отмечено выше, что идея, лежащая в основе утверждения, что все философские проблемы есть языковые проблемы, основана на убеждении, что философы не могут ничего добавить к нашему фактическому знанию о мире. Итак, аналитики утверждают, что философ не может открыть новых фактов в том смысле, в каком исследователь может открыть неизвестный до настоящего времени цветок или остров. И это кажется мне справедливым. Например, было бы смешно утверждать, что метафизик открывает Бога в том смысле, в каком исследователь открывает неизвестный доселе факт. Метафизик не делает, прогуливаясь по-жим днем, ошеломительного открытия: где-то «здесь» Бог. Философ не находит Бога таким образом; что делает философ, так это проясняет отношение конечной реальности к бесконечному трансцендентному Бытию. В таком случае человек может говорить о своем занятии как об «анализе». Однако, когда современный аналитик заявляет, что философ не в состоянии открыть новые факты о реальности при помощи собственного специфического метода, он просто не утруждает себя различием метафизического анализа и полярной экспедиции. То, что действительно часто является предпосылкой его рассуждений, так это убеждение, что не существует метафизических принципов (в общем называемых синтетическими априорными суждениями), которые позволяют философу делать вывод о существовании ненаблюдаемого из данных опыта. С одной стороны, мы имеем аналитические пропозиции логики и чистой математики, которые считаются чисто формальными и не сообщающими никакой информации о реальности, и с другой стороны – синтетические апостериорные пропозиции, которые сообщают новую информацию о реальности и которые являются в то же время погрешимыми эмпирическими гипотезами. Однако не существует синтетических априорных пропозиций, то есть пропозиций, которые были бы абсолютно достоверны и в то же время сообщали новую информацию о реальности.

Является ли такой взгляд «позитивистским»? Ответ на этот вопрос зависит, разумеется, от смысла, вкладываемого в слово «позитивизм». Если подразумевать под позитивизмом точку зрения, в соответствии с которой знание о реальности получается только с помощью непосредственного наблюдения и конкретных наук, то в таком смысле большинство современных аналитиков будут «позитивистами», по крайней мере, если акцент делается на слове «знание». Однако, если понимать под позитивизмом философию, которая предполагает опровержение всех метафизических суждений как лишенных значения и бессмысленных, то неверно говорить обо всех современных аналитических философах как о позитивистах. Например, в своей «Истории западной философии» Бертран Рассел провозглашает, что все, что может быть познано, может быть познано средствами науки; однако Рассел не отрицает всю метафизику, и в «Значении и истине» он отстаивает, в противовес «логическим позитивистам» (как обычно в Англии именуется неопозитивисты в целом), что «абсолютный метафизический агностицизм не совместим с сохранением лингвистических пропозиций». Он жестко критикует неопозитивистский критерий значения.

3

Задолго до основания Венского кружка собственно эмпиристическая традиция в Англии получила новую жизнь в Кембридже, успешно противодействуя британскому идеалистическому движению, которое, главным образом, ассоциировалось с Оксфордом и наиболее выдающимся представителем которого был Ф.Г. Брэдли (ум. в 1924 году). Профессор Д.Э. Мур из Кембриджа критиковал идеалистическую тенденцию жертвовать ясностью и косностью в пользу единства и системы и придерживался взгляда, что основным делом философа является анализ. Существует определенное число суждений (например, «существует много людей» и «существует много материальных предметов»), истинность которых известна каждому. Задача философа не состоит в том, чтобы попытаться доказать, обычно используя слабые аргументы, суждения, которые все считают истинными; еще менее в его задачу входит ставить под вопрос их истинность. То, что ему следует делать, так это анализировать их значение так ясно и точно, как это возможно. Отсюда ясно, следовательно, что аналитическое движение в британской философии, которое получило мощный импульс от Мура и которое в действительности является коренным в работах классических британских эмпиристов, не может быть обоснованно приписано влиянию Венского кружка. Это также ясно из того факта, что Рассел разработал свою теорию лингвистического анализа и логических конструкций задолго до возникновения кружка. Члены кружка испытали серьезное влияние расселовской теории (что очевидно, например, в отношении Карнапа), но сама теория ничем не обязана кружку.

В добавление к Муру и Расселу следует упомянуть Людвиг Витгенштейна (ум. в 1951 году) – автора знаменитого «Логико-философского трактата» (впервые опубликованного в 1921 году) и наследника Мура в должности профессора философии в Кембридже. Витгенштейн ничего не опубликовал после «Трактата»; однако его посмертные «Философские исследования», на немецком и английском языках, появились в Оксфорде в 1953 году. У Витгенштейна были связи с кружком, его работа изучалась там и глубоко повлияла на его членов; однако следует помнить, что он посещал лекции Мура в Кембридже и в «Трактате» выразил свое чувство признательности по отношению к работам Рассела. В своей работе Витгенштейн утверждал, что вся философия есть «критика языка» или «логическое прояснение мыслей». Возможно, поэтому «Трактат» повлиял на определенных современных британских философов благодаря Венскому кружку и поэтому был интерпретирован ими в строго неопозитивистском смысле, причем более темные и квазимистические афоризмы автора остались практически не замечены. Однако это не так в отношении всех нынешних британских философов, которые испытали влияние Витгенштейна. Профессора философии в Кембридже, например А. Узидом (род. в 1904 году), испытали влияние скорее Витгенштейна самого по себе, чем Витгенштейна, отраженного в трудах Карнапа и других членов кружка.

Идея, что философия состоит главным образом из анализа, должна быть, следовательно, приписана скорее Кембриджской школе анализа, нежели Венскому кружку. С другой стороны, распространение этой идеи среди британских философов было, несомненно, вызвано распространением взглядов, выдвинутых другими авторами. Например, Карнапом, в его работе «Логический синтаксис языка». Однако британские аналитики не демонстрируют такого внимания к языку науки и созданию универсального научного языка, которое характеризует некоторых членов Венского кружка. Это не означает, однако, что учения Венского кружка не оказали серьезного влияния в Англии. Напротив, они приобрели заметную популярность благодаря работам профессора А. Айера (род. в 1910 году) из Лондонского университета. Будучи студентом в Оксфорде, Айер впитал характерные идеи кружка, в особенности те из них, которые развивались Карнапом, и эти идеи нашли свое выражение в «Языке, истине и логике» (Лондон, 1936). В этой работе Айер отстаивает неопозитивистский критерий значения, принцип

верификации, метафизические суждения оцениваются как «бессмысленные» и обладающие только «эмоциональным» значением. Эта работа, как, впрочем, и остальные сочинения Айера, имела широкое влияние особенно в среде студентов, которые находили в ней привлекательность новизны и дерзости. Более того, необычайно ясно написанная работа показала для многих теоретическим обоснованием и фундаментом того, что можно назвать позитивистским менталитетом, который, разумеется, распространен гораздо более широко, чем позитивистская философия как система мышления.

Неопозитивистский критерий значения был, однако, вскоре подвергнут критике, вызванной как его произвольным характером, так и теми странными следствиями, которые, по видимости, имеют место, если он предлагается как строгий критерий, по крайней мере в своей первоначальной форме. В настоящий момент лишь немногие британские философы охотно называют себя позитивистами и открыто провозглашают приверженность принципу верификации как критерию значения. Сам термин часто употребляется, однако неопозитивизм как учение уже вышел из моды. Я полагаю, что неопозитивизм в своей континентальной форме не соответствует английскому складу ума. Можно сказать, что влияние Венского кружка растворилось в общем потоке аналитического движения. Таким образом, в аналитическом движении выделяются философы левого крыла, например Айер, которые испытали влияние неопозитивизма, но модифицировали свои первоначальные позиции, и философы правого крыла, которые демонстрируют гораздо более приязненное отношение к метафизике.

Когда я говорю о левом крыле аналитиков, я, разумеется, никоим образом не связываю это с политикой; я использую этот термин для обозначения последовательного эмпиризма, который придерживается принципа экономии в расселовской интерпретации для исключения всех метафизических сущностей¹. Этот феноменалистический эмпиризм наиболее отчетливо представлен у профессора Айера. Принимая расселовскую теорию логических конструкций, он редуцирует сознание и материю к чувственно данному или чувственным содержаниям. Что ж, это можно расценить как утверждение одной метафизики вместо другой. Вместо учения о субстанциях мы имеем теорию чувственных данных или чувственных содержаний, которые ни ментальны, ни материальны и которые являются последними конституентами реальности. Что такое эта теория как не метафизическая? Айер, однако, утверждает, что вопрос такого рода означает совершенное непонимание его позиции. Когда он говорит, например, что материальный предмет может быть редуцирован к чувственно данному, он не делает онтологического утверждения: то есть он не говорит, что стол есть лишь чувственно данное. Он делает лингвистическое утверждение. Он говорит, например, что высказывания, в которых именуется материальные предметы, могут быть переведены в другие высказывания о чувственных данных, где уже не используются материальные предметы, таким образом, если первое высказывание или набор высказываний истинен, то и второй также будет истинен, и если первое высказывание или набор высказываний ложен, то и второй набор также будет ложен. С моей точки зрения, такое объяснение отказа от метафизической теории весьма сомнительно, хотя я и не собираюсь догматизировать по этому вопросу. По мнению профессора Айера, принятие его феноменалистического анализа снимает психофизическую проблему. В таком случае неясно, как можно оценивать редукцию сознания и материи к чувственным данным как исключительно лингвистическую.

Под правым крылом аналитической философии я подразумеваю тех, кто осознает, что язык не есть нечто, что спускается с небес в готовом виде, и что необходимо исследовать функцию различных типов языка в общих рамках человеческой жизни и опыта². В то время

¹ Упоминание здесь Рассела не означало, что я забыл то, что он не отвергает всю метафизику, и то, что он утверждает в работе «Человеческое знание: его область и границы», а именно: «чистый эмпиризм несостоятелен как теория познания».

² Исследования такого рода проводились до настоящего момента главным образом американскими философами языка. Одной из причин этого является влияние прагматизма в американской философии. Это влияние, например, отчетливо про-

как левое крыло аналитиков сосредотачивается на так называемом обыденном языке и языке науки, несправедливо относя этический, религиозный, метафизический и эстетический язык к сфере эмоциональной речи, правые аналитики понимают, что метафизический язык был создан для определенной цели и что необходимо исследовать эту цель. Почему люди изъясняются таким образом? Каково отношение такого языка к человеческому опыту и жизни?

Образованная публика мало интересуется техническими анализами, которые занимают такое видное место в философских журналах, однако был выказан значительный интерес к такому предмету, как анализ теологических суждений. Моя главная мысль заключается в том, что критика метафизических и теологических суждений с лингвистической точки зрения означает реабилитацию аналогического языка метафизики и теологии в современной философии. И сам факт такой критики должен стимулировать метафизиков к более пристальному исследованию аналогического языка. Впрочем, я уделил слишком много времени этому вопросу, так что может создаться впечатление, будто британские аналитики проводят время, оспаривая теологические суждения, что, конечно, не так.

слеживается в работе Ч. Морриса «Знаки, язык и поведение» (Нью-Йорк, 1946). Однако необходимость более глубоких исследований семантики начинает ощущаться и в Англии.

4

Уже отмечалось, что британские аналитики более интересуются конкретной аналитической работой, чем размышлениями о том, что они называют лингвистическим анализом. Тем не менее следует сказать кое-что по этому поводу.

Прежде всего, лингвистический анализ, конечно, не то же самое, что грамматический. Это можно легко показать на примере двух предложений: «Я увидел кого-то на дороге» и «Я не увидел никого на дороге». В первом предложении слово «кто-то» есть грамматический объект, и во втором слово «никто» тоже есть грамматический объект. Однако, несмотря на грамматическое подобие предложений, логический анализ раскрывает существующую между ними разницу. Для того, чтобы сделать ее понятной, необходимо изменить грамматическую форму второго предложения. Можно сказать, например: «Я не видел кого-либо на дороге» или «Неверно, что я кого-то видел на дороге». То есть предложения могут быть сходны по грамматической форме, различаясь в то же время по логической форме. Некоторые аналитики говорят, что Бертран Рассел был первым, кто обнаружил эту истину. Однако, если такое высказывание делается серьезно, то оно означает лишь прискорбное незнание истории философии. Некоторые ультрареалисты были возможно частично «введены в заблуждение языком»³; но, когда святой Ансельм, к примеру, указывал, что слово «ничто» в выражении «творение из ничего» не является особым родом существования, а означает «не из чего-либо», чем он занимался, как ни различием между грамматической и логической формами?

Тем не менее существует ряд аналитиков, склонных думать, что философские проблемы и теории есть лишь плод языковой путаницы. Важнейший среди них – профессор Гилберт Райл (род. в 1900 году) из Оксфорда. В статье «Систематически вводящие в заблуждение выражения» он приходит к заключению, хотя и неохотно, что задачей философа является «выявление источников повторяющихся неправильных конструкций и абсурдных теорий в языковых идиомах». Если последовательно придерживаться такой точки зрения, то мы придем, как мне кажется, к парадоксальному заключению, что задача философа есть уничтожение философии. А это гораздо более радикальный взгляд на задачи философии, чем тот, что отстаивает профессор Айер. Поскольку последний убежден, что существуют философские высказывания, и он, несомненно, верит в то, что у философии есть позитивная функция, хотя область ее применения сильно ограничена. Радикальная природа понимания философии профессором Райлом замаскирована или, во всяком случае, сделана более приемлемой его ориентацией на здравый смысл и «не бессмыслицу», подкрепленной обращением к «обыденному языку», «стандартному английскому» и так далее. Похоже, что «обыденный язык» становится главной судебной инстанцией для разбирательства философских споров. В результате исключается не только большая часть традиционной метафизики – чувственные данные и чувственные содержания также оказываются за бортом. Но что такое «обыденный язык»? Не существует такой вещи, как фиксированный «обыденный язык», и даже если бы он был, совсем не очевидно, что именно он является инстанцией для разрешения философских споров. Разумеется, верно, что что-то не в порядке с теорией, которая явно противоречит простому человеческому опыту. Но вопрос заключается в том, не вырастает ли язык метафизики, как бы ни странно были его отдельные термины, из размышлений над этим опытом. И этот вопрос, как мне представляется, не достаточно продуман теми аналитиками, которые превозносят обыденный язык и на практике рассматривают деревенского почтальона как судью по философским предметам.

³ Я говорю «частично», поскольку иногда имеют место другие соображения. К примеру, некоторые ультрареалисты раннего Средневековья думали (по всей видимости, ошибочно), что необходимо отстаивать ультрареализм, чтобы отстоять доктрину первородного греха.

Тщательно разработанным примером такого типа анализа является работа профессора Райла «Понятие сознания» (Лондон, 1949). Краткое упоминание об этой работе в рамках данной статьи было бы несправедливым по отношению к ее автору. Одна из основных задач книги – показать, что высказывания, с помощью которых люди обычно описывают психическую деятельность, могут быть объяснены без того, чтобы подразумевался картезианский дуализм. В книге много детальных и важных анализов. Здесь я хотел бы привлечь внимание только к одному направлению мысли. Абсолютно корректно, отмечает автор, говорить об университете (Оксфорда); но если иностранный посетитель после того, как ему покажут все оксфордские колледжи, попросит показать ему сам университет, его просьба будет означать, что он не понимает, как используется это понятие. Поскольку данный термин, хотя его использование совершенно оправдано, не обозначает предмет того же рода, как, допустим, термин «колледж Святой Магдалины». То есть существует здание (в действительности даже группа зданий), известное как колледж Святой Магдалины, но не существует сравнимого с ним здания под названием «университет». Сходным образом, хотя вполне правильно говорить о «сознаниях», не существует сознания самого по себе, вне определенной психической деятельности: этот термин не обозначает скрытую сущность. Очевидно, что подобная форма рассуждений выходит далеко за пределы простой критики картезианского дуализма как такового.

Итак, ясно, что анализ такого типа требует принять во внимание экстралингвистические данные. (Профессору Райлу, разумеется, прекрасно известно об этом.) То же самое справедливо в отношении большей части лингвистического анализа. Поскольку аналитик выясняет «истинное» значение пропозиций. Если он спрашивает о значении слова, его интересует не словарное объяснение данного слова или то, что понимает под этим словом тот или иной индивид, является ли он философом или нет (хотя это не вполне ясно относительно тех аналитиков, которые обращаются к «обыденному языку»), а «истинное» значение слова. Ответ на этот вопрос не может быть получен без привлечения экстралингвистических данных. Следовательно, анализ не может быть отождествлен с чистой речевой деятельностью. Рассел в «Значении и истине» верно замечает, что «существует тенденция, особенно среди логических позитивистов, относиться к языку как к независимой области, которая может изучаться без обращения к внелингвистическим явлениям», и добавляет, что это верно лишь для ограниченной сферы. Можно попробовать прояснить это на следующем примере. Различие между вещью, ее качествами и модификациями конкретно выражается в высказываниях обыденного языка. Однако, когда философ намеревается анализировать значение таких высказываний, он хочет обнаружить их истинное значение, а это предполагает рассмотрение фактов, которые ими описываются.

Может быть сказано, что эти замечания справедливы, но тривиальны. Поскольку, хотя аналитик и говорит о «лингвистическом анализе», он не отрицает, что в своей работе уделяет большое внимание экстралингвистическим фактам и явлениям. Однако по следующей причине я не думаю, что это тривиально. Когда философ анализирует, например, каузальные высказывания и спрашивает об истинном значении термина «причинность» или когда он анализирует экзистенциальные высказывания, он делает тот же самый вид работы, который традиционно был известен как «метафизический анализ», или «онтология». Ибо, как мы уже видели, его деятельность лишена чисто речевого характера. Одной из причин, по которой современный аналитик говорит о «лингвистическом анализе», является, возможно, то, что для него слово «метафизика» означает исследование сущностей, которые превосходят любой возможный опыт; и, используя термин «лингвистический анализ», он стремится подчеркнуть тот факт, что каждому известно, что существует такая вещь, как причинность, и что это знание выражено в высказываниях обыденного языка. Философ не обнаруживает, что существуют причинные отношения: нам всем известно, что они существуют. Но одно дело знать о существовании причинных связей и совсем другое – анализировать природу причинности или значение

утверждения о том, что одна вещь является причиной другой. Такой анализ является работой философа, и, если он проясняет понятие, уже выраженное в конкретных высказываниях обыденного языка, его деятельность обозначается как «лингвистический анализ». И в таком смысле использование термина оправдано, то есть постольку, поскольку он привлекает внимание к тому обстоятельству, что аналитик исследует предпосылки и значение языка, которым мы все пользуемся. Однако использование этого термина может также вводить в заблуждение. Аналитик склонен утверждать, будто философия есть «вопрос выбора слов», умалчивая, что язык не есть раз и навсегда данная вещь. То, что называется обыденным языком, выражает или может выражать простой повседневный опыт людей. И анализировать значение и предпосылки обыденного языка означает анализировать предпосылки простого опыта. Верно, что такой опыт выражается в языке и делается общим достоянием до того, как он становится предметом размышлений философов и употребление термина «лингвистический анализ» привлекает внимание к этому обстоятельству. Однако он стремится замаскировать тот факт, что они занимаются работой, аналогичной аристотелевскому анализу причинности в «Метафизике». Аналитик, несомненно, ответит, что он не отрицает аналогии, но предпочитает использовать термин «лингвистический анализ», с тем чтобы отличить такой вид метафизического анализа от «метафизики» в том смысле, в каком он, аналитик, понимает это слово.

В конце концов, является ли лингвистический анализ философски нейтральным, в том смысле, что он не имеет в качестве предпосылки какой-либо определенной философской позиции? Для ответа на вопрос необходимо провести некоторые различия. Те, кто редуцирует философию к «лингвистическому анализу», полагают, что задача философа состоит в том, чтобы определять значение высказываний, а не их истинность или ложность. И в этом отношении данная позиция может быть названа «позитивистской» в широком смысле этого слова. Но «позитивизм» в узком смысле не является необходимостью. Большинство британских аналитиков не воспримут, я полагаю, стремление избавиться от метафизических проблем и высказываний априорным способом при помощи неопозитивистского критерия значения. Они признают, что мы просто не можем исследовать лишенность их значения до того, как они были высказаны. Но признание этой разумной точки зрения делает очевидной разницу между теми аналитиками, которые принимают чисто эмпиристическую позицию, и теми, кто не делает этого. Например, когда нужно проанализировать высказывания, в которых термин «причина» относится к трансцендентному Бытию, многие аналитики проводят анализ с таких позиций, что ясно, что он для них связан с чистым эмпиризмом. И феноменалистический анализ сознания и материальных предметов, о котором я говорил выше, также очевидно связан с эмпиризмом. В этом причина того, что левое крыло аналитиков называет себя «логическими эмпиристами»⁴, или «радикальными эмпиристами», названия, которые, в общем, они предпочитают наименованию «логические позитивисты», или «неопозитивисты».

⁴ Трудно определить смысл слова «логический» в этом контексте. Но одной из причин для его использования является, по моему мнению, желание различить современный эмпиризм и эмпиризм Дж. Ст. Милля, который пытался интерпретировать математические и логические пропозиции как эмпирические гипотезы, от чего сейчас полностью отказались.

5

Нынешняя атмосфера тотального критицизма порождает своеобразную застенчивость, проявляющуюся в нежелании публиковать работы, содержание которых может быть поставлено под сомнение с господствующих позиций. Следует, однако, отметить позитивные сдвиги в ряде областей философии. В моральной философии, традиционно любимой теме английских философов, заметно возрождение стремления связать этику и рациональность в противовес неопозитивистскому отнесению этических высказываний к сфере эмоционального. Поэтому, хотя профессор С. Тулмин в своей работе «Исследование места разума в этике» (1950) ясно говорит о справедливости взглядов Айера, он склоняется к телеологическому взгляду на этику. Профессор Р. Брейтуэйт (род. в 1900 году), который называет себя «логическим эмпиристом», недавно защищал телеологическую интерпретацию этики. В области философии следует отметить его работу «Научное объяснение» (1953). Политическая философия в последние годы углубилась по понятным причинам в исследование оснований и идеалов демократического государства. Атака на тоталитаризм, вызвавшая оживленную дискуссию по причине содержащихся в ней описаний политических теорий Платона и Гегеля, содержится в книге профессора К. Поппера (род. в 1902 году) «Открытое общество и его враги» (1945). В области философии истории следует, прежде всего, отметить «Постижение истории» в 6 томах (1934–1939) профессора А. Тойнби (род. в 1889 году), однотомное извлечение из которого появилось в 1946 году. «Идея истории» профессора Р. Коллингвуда (1889–1943) была посмертно опубликована в 1946 году.

6

Из сказанного ясно, что философская ситуация в Англии сильно отличается от того, что происходит во Франции, Германии и Италии. В частности, экзистенциализм слабо распространен в английских университетах. Что касается марксизма, то есть профессора-марксисты, однако, в основном, на нефилософских факультетах. Философы в целом ощущают, что марксизм есть нечто неприемлемое с лингвистической точки зрения. К тому же они испытывают мало симпатии к философии, служащей нефилософским целям. Современная философия в Англии все больше замыкается в себе. Большая часть повседневной работы затрагивает такие темы, которые неинтересны обычному читателю, или она проведена таким образом, что даже хорошо образованному читателю трудно следить за ходом рассуждений. Поскольку, хотя аналитики и сделали своего рода культ из использования простого языка и обычных слов, возникающая в результате видимость простоты часто поверхностна: в действительности лингвистический анализ требует высоко изоцированной техники. Сочетание (встречающееся не так уж редко) видимой тривиальности предмета обсуждения и в высшей степени утонченной техники ведет к разрыву между философией и жизнью. Внимание к человеческой жизни и опыту, а также к исторической ситуации, столь свойственное отдельным ветвям экзистенциализма, совершенно не характерно для лингвистического анализа. Действительно многие аналитики специально подчеркивают академический аспект философии и максимальную удаленность от «человеческих проблем». С другой стороны, следует признать, что аналитикам удалось выдвинуть высокий стандарт аналитического мастерства, точности выражения и элиминации расплывчатого языка и бессодержательного мышления. Они совершенно справедливо борются с использованием непонятных слов как своего рода магических заклинаний, которое можно встретить в трудах некоторых философов. Более того, критика метафизики, сформировавшая негативный аспект современной философии, в состоянии оказать и позитивное влияние. Поскольку она может побудить метафизиков к более глубокой рефлексии о природе метафизики и о статусе и интерпретации метафизического языка и метафизических принципов. Нежелание аналитиков выписать лекарства от мировых болезней также имеет свою позитивную сторону. Философия, несомненно, глубоко связана с человеческой жизнью, но многие аналитики, кажется, не замечают этого факта. Хотя, вероятно, разделяют скептицизм относительно мудрости профессоров философии в качестве советчиков для премьер-министров. Современные позитивисты обладают большим здравым смыслом, чем Огюст Конт.

В этой статье я не обсуждал общие социологические и культурные причины господства одного типа философии в Англии, США и Скандинавии и других типов в странах континентальной Европы. В частности, я не говорил о колоссальном влиянии развития конкретных наук и нашей технической цивилизации. Очевидно, что по этим вопросам можно сказать очень многое. Однако я поставил перед собой задачу дать общий очерк того типа философии, который сейчас доминирует в Великобритании.

Глава 2

Некоторые размышления о логическом позитивизме

Не требуется глубокого знакомства с историей философии для того, чтобы понять, что философия никогда не развивается в абсолютной изоляции от других элементов культуры. Философия Платона, несомненно, испытала влияние общей культурной ситуации, в которой он родился и вырос. На нее также воздействовал платоновский интерес к математике. Единственной науке, достигшей сколько-нибудь заметного развития в греческом мире. Направление аристотелевской мысли сформировалось под влиянием его логических исследований. Политическую теорию Платона и Аристотеля следует рассматривать в непосредственной связи с современной им политической жизнью Греции. Средневековая философия не может быть понята вне ее связи с теологией: именно христианская теология создавала тот интеллектуальный фон и атмосферу, в которой философствовали философы. Можно вполне обоснованно утверждать, что именно теология в значительной мере ставила перед философией проблемы и выступала в роли оплодотворяющего начала.

В современную эпоху, то есть в период после Возрождения, во все возрастающей степени подоплекой философии становятся эмпирические науки, достигшие изумительных успехов после первопроеходческой работы великих ученых Ренессанса. В действительности отдаленные предпосылки возникновения более поздней картины мира можно разглядеть уже в XIV столетии. Когда такие философы, как Жан Буридан и Альберт Саксонский, отвергали аристотелевскую теорию движения и принимали теорию импетуса Филопона, они подготавливали почву для представления о мире как системе движущихся тел, в которой импетус, или энергия, передается от одного тела к другому, а общее количество энергии остается при этом постоянным. Причиной движения, или энергии, назывался Бог; но раз запущенная, выражаясь упрощенно, машина начала работать механически. Поскольку небесные тела, например, не встречают сопротивления, то для их движения вполне достаточно первоначального импульса, сообщенного им Богом, и нет необходимости постулировать существование каких-либо Умов сфер. Принцип экономии может быть применен к утверждавшимся Аристотелем умам. При таком рассмотрении можно сказать, что трактовка проблемы движения в XIV веке прокладывала путь новой космологии, наподобие той, что изложена в философии Декарта. Для решения общей задачи этой главы нет необходимости подробно рассматривать влияние отдельных наук на философию в Новое время: достаточно отдавать себе отчет в том влиянии, которое оказали математика и динамика на картезианскую философию, а развивающаяся историческая наука на гегельянство, биология, в широком смысле слова, на Бергсона, социология и развитие экономической теории на марксизм, а также во влиянии новейшей физики на такого философа, как Уайтхед. В то же время не следует упускать из виду влияние общей исторической и социальной ситуации на философов и их мышление. Политические теории Гоббса и Локка, например, и взгляды на этот вопрос позднего Гегеля должны интерпретироваться в связи с той исторической ситуацией, в которой этим философам приходилось работать. Немецкое романтическое движение повлияло на послекантовский немецкий идеализм. Современный идеализм также связан с современной духовной атмосферой, хотя следует помнить о том, что влияние духовной атмосферы на философа не всегда позитивно, часто оно может вызвать сильную отрицательную реакцию. Но чтобы была реакция, должно быть и влияние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.